

моргунов Р.В.

Старикам - вечно
восходящее
солнце

Роман Владимирович Моргунов

Старикам – вечно восходящее солнце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28741781

SelfPub; 2018

Аннотация

Старику полагается одиноко доживать свои дни, тихо шаркая по пыльному асфальту родного провинциального городка. И он именно так и собирается жить, мечтая лишь о том, чтобы увидеть кроху-внучку своего сына. Однако "бандитские" девяностые нарушают привычное течение жизни. Повесть о том, что жизнь прекрасна и удивительна до самых последних мгновений.

Старикам – вечно восходящее солнце .

*Моей бабушке – Губаревой Марии Георгиевне –
с любовью и благодарностью.*

Р.В.

– Марья Ивановна, вот я есть. Как там тебе, голубка моя, на небесах? Прости уж, что давно не бывал! Самому совестно, однако, и я всем прощу, коли мне кто должен будет. Прости и вину мою: заросло тут всё, а я всё и дойти не мог... Неходячий я, недвижущийся... Ну и до меня никто не дойдёт! Всё-то и осталось-то у меня, что твоё заступничество небесное, и прошу одну тебя только: много пожил, много земли топтал, много видел... Вот ещё увидеть внучку хочу... Прощу тебя, голубка моя Марья Ивановна, не зови покудаво к себе, дай пожить ещё немного!

Глава 1. Старик.

Старик поднялся с узкой кладбищенской скамейки, опираясь на палку.

– Ну, с Богом!

Перекрестившись, он вновь опустился на скамейку, пригнулся к земле, подобрал тряпочную потёртую сумочку и, опираясь на палку, медленно, словно тень, стал выбирать-

ся на дорогу сквозь кустарник и гибкие пушистые деревья. Конец весны выдался приятным, мягким, словно небесная канцелярия забыла о том, что в её арсенале имеется жара, дождь и прочие неприятности. Александр Иванович побрёл по петляющей пыльной дороге к маленькой, недавно отревставрированной церквушке, около которой так и стояли чугунные скрипящие ворота, оставшиеся здесь со времён царской России. Мимо этой церквушки, мимо скрипящих ворот к бетонной коробке с крышей. Ждать маршрутку или автобус и прятаться от набирающего силу солнца Александр Иванович не спешил. Физически Александр Иванович находился в прекрасной форме, разумеется, для своих лет. Взгляд его не утратил цепкости делового зрелого мужчины, руки потеряли силу, но не ловкость, и только ноги выдавали в нём человека с чрезвычайно длинной жизненной дорогой. Сидя на узкой доске и ожидая автобус, Александр Иванович всё бормотал себе что-то под нос, качал головой и поглядывал на *дорогу*. На этой узкой пыльной ленте, петляющей мимо оврагов и огрызков пустых разваливающихся домов, показалась точка. Она росла и росла, пока не стала новенькой белой маршруткой, какие недавно стали ездить в городе. Это сильно удивило Александра Ивановича, и он даже встал со скамейки, приветствуя столь неожиданное чудо. Машина резко развернулась на дороге, подняв к пустому небу тучу земляной пыли и остановилась. Пассажирская дверь с лязгом отъехала в сторону, и Александр Иванович стал свидетелем от-

менной нецензурной ругани водителя, говорившим на русском с сильным акцентом, и молодого человека, толстого, с золотыми часами, в рубашке и белых брюках. В салоне находилась ещё старушка, которая всё шептала под нос какие-то слова и поминутно крестилась. Они вышли, не закрывая за собой дверь машины, и поплелись к кладбищу. Водитель закурил, а Александр Иванович застыл перед открытой дверью в просторный красивый салон новенькой маршрутки.

Александр Иванович привык к старым, уже отжившим свой век автобусам, которые со скрипом открывали двери, гудели и дымили как паровозы. А такие белые, чистые и тихие машины должны были проноситься мимо, а не останавливаться рядом и манить расположиться на широком и мягком кресле.

– Здравствуйте! – откашлялся Александр Иванович. – В город едете?

Водитель слегка повернул голову – ровно настолько, чтобы увидеть, кто его спрашивает. Увидев старика, он мгновенно потерял интерес и бросил через плечо:

– Льгот нет!

Александр Иванович потянул носом воздух и провёл рукой по редеющим седым волосам.

– Сколько ж стоит?

Водитель зло процедил сквозь зубы:

– 15 рублей.

Александр Иванович облизал пересохшие губы, смирен-

но прижал к животу палку и тряпочный мешочек и попрощался:

– Может, довезёшь старика-то до автовокзала? Какие с меня деньги?

Водитель, кашляя и давясь кашлем и дымом, ответил:

– В твоём возрасте, папаша, с кладбища можно и не уезжать!

Он расхохотался собственной шутке.

Александр Иванович опёрся на палку, опустил тряпочный мешочек. Со вздохом оглядел белую машину и медленно, шаркая по земле, побрёл к старой скамейке остановки. Водитель, видимо, сообразил, что других пассажиров здесь не будет и небрежно бросил через плечо:

– Садись. За десятку довезу!

Александр Иванович, щурясь на солнце, и потому с улыбкой ответил:

– Я, сынок, чудесного автобусика дождусь!

– Ну, старый хрыч, бесплатно я тебя не повезу!

Белая машина хлопнула железной дверью и, подняв пыль вокруг себя, рванула по дороге к городу.

Старик остался один, щурясь на восходящее солнце и опираясь на палку. Машина вскоре исчезла, и пустота и гудение насекомых заполнили мир вокруг Александра Ивановича. Всё замерло. Можно было подумать, что время остановилось, но солнце упорно ползло вверх и давно забытый, почти летний зной спускался на землю. Это обстоятельство

и радовало Александра Ивановича.

– Ну вот и ещё одно лето, Господи! – вырвалось у него.

Лета, собственно говоря, ещё не было, но его предчувствие в такую жару оспаривать глупо.

Старенький, дребезжащий и пыхтящий автобус подкаптал совершенно пустым. С грохотом распахнул одну дверцу и остался урчать, призывая старика быстрее залезать вовнутрь.

– Александр Иваныч, вы тут? – зазвенел молодой юношеский голос, как только Александр Иванович опустился на сидушку.

– Костя?

– Узнали? Как поживаете?

– Да вот живу, землю топчу...

Автобус тронулся, на ходу захлопнул дверь и закачался, как лодка на огромных волнах.

– А я вот водителем тут устроился!

– Кость, так на этой работе пить нельзя...

– А я больше ни-ни! Вот завтра первая зарплата!

– Это хорошо, это правильно!

Автобус, ворча и побрякивая, выбрался из очередной канавы и стал набирать ход по асфальтированной дороге.

– А вы всё Митричу помогаете?

– Да, работаю потихоньку...

– Загляну к вам как-нибудь!

– Заходи, конечно! Не обидим! Как жена и дочурка?

Водитель дёрнул плечом:

– Да развелись мы...

– Неужто тебя непьющего она терпеть не может?

– Да я тогда ещё не устроился. Не дождалась, не дотерпела. Выгнала!

– А так ты приди сейчас, когда работаешь! Ведь другой разговор будет!

Автобус подпрыгнул на какой-то большой колдобине и сбавил ход.

– Гордый я, Александр Иваныч...

– Ну, – развёл руки Александр Иванович – дело хозяйское!

Несколько минут ехали молча.

– Сейчас повернём и будем идти по городу. Вам куда?

– На автовокзал.

– Сядьте тут, рядом. Скажете, где мне остановиться.

– Спасибо, Костя!

– Да пока ещё не за что, Александр Иваныч!

Город начинался сразу за железнодорожными путями. Вот около них и стоял небезызвестный Александру Ивановичу белый современный автобус. И водитель был тут же: стоял на обочине и курил.

– Хорошая машина! – кивнул на автобус Костя – Но эти олухи даже на них ездить не могут. А какие деньги зашибают! Нам такие и не снились!

Проезжая мимо этого знакомого по одинокому утру во-

дителя, Александр Иванович приветливо поднял правую ладонь. Водитель тут же узнал старика и показал ему средний палец.

– Чего это он? – спросил Костя.

– Мы утром познакомились – сказал Александр Иванович.

– Утром? – нахмурил лоб Костя.

– Да-да, утром, – подтвердил Александр Иванович и опёрся на палку.

– Ах, утром! – сообразил Костя и расхохотался так, что в автобусе задрожали стёкла.

* * *

Александр Иванович, отирая пот со лба, медленно брёл в сторону газетного ларька. Круглый, грязный, когда-то зелёный, он так и остался стоять в тени древнего раскидистого дуба. И странное дело: когда только Александр Иванович решил купить газету ни у ларька, ни у дуба никого не было, но стоило старику полезть в карман за деньгами, как появились два дюжих молодца, которым захотелось купить газету, в тень дуба спрятались мама с дочкой, чтобы съесть по мороженому, да и за спиной Александра Ивановича уже кто-то место занял.

– "Известия" есть? – спросил Александр Иванович.

– Три пятьдесят – насмешливо ответила продавщица.

"Известия" были местной и самой дешёвой газетой. Они никогда не раскупались, с недавнего времени выходили нерегулярно, занимали всего два листа, но Александр Иванович покупал только эту газету. Он редко прочитывал и эти два листа, зато бумагу использовал в домашнем хозяйстве всю: заворачивал в неё продукты, сворачивая в трубочку бил и отгонял мух, стелил на подоконники, как это раньше делала жена, и почему-то другая газета под все эти дела никак не подходила.

Получив желаемое и заплатив мелочью, Александр Иванович, сделав пару шагов в тень дуба, сильно напугал маму и дочку, хрипло крикнув прямо перед собой:

– Стой, тунеядец! Отдай деньги, душегуб проклятый! Отдай, говорю, хуже будет!

Мама и дочка перестали есть мороженое и, открыв рты, изумлённо круглыми глазами смотрели на старика. Тот не унимался и для пущей убедительности застучал палкой и мелко затряс головой, продолжая громко причитать:

– Ты же знаешь, я в гроб лягу, но тебя, тварь безбожная, достану! Верни деньги мне, старику! Научись, наконец, уважать старость!

Девочка испуганно посмотрела на мать и, прижавшись, вцепилась в её платье. Женщина уже готова была открыть рот и что-то там сказать, когда, словно тень, из-за ларька выскользнул худой под тридцать мужчина в кепке и гряз-

ной футболке. Кривая жёлтая улыбка разрезала его угловатую физиономию надвое, нахально сверкнули бледно-голубые глаза, и в спину старику полетели клокочущие, свистящие звуки:

– Что ты завёлся, старый хрыч? Какие деньги?

– Мои!

Женщина тут же потянула девочку за собой, оставив старика и его собеседника под тенью дуба. Старик стоял спиной к вору, мелко тряс от напряжения головой и упирался изо всех сил палкой в землю. Вор ухмылялся, держал руки в карманах, но с места не двигался.

– И стоит так напрягаться из-за ста рублей? Столько нервов, сил, крика... А что если я не отдам, а?

– Сто тридцать!

– Чего?

– Сто тридцать! – и старик протянул руку. Рука дрожала.

– На что тебе деньги, старый пердун? В гроб ты их с собой не заберёшь, жены уже нет, сын в Москве и ты ему на хрен не нужен, бухать не бухаешь...

– Тебе, уродец, не понять. Просто отдай деньги.

– Я же вор, я всё равно украду! Было бы лучше, если бы я мамашу с дочкой обчистил?

Старик повернулся и дальше говорил вкрадчиво и неторопливо, наслаждаясь каждым словом, которое слетало с его губ:

– Был бы ты вор, Шуша, я бы пропажу дома заметил.

Ты обыкновенная подзаборная пьянь, у которой мыслишки дальше водочки и продажных баб никогда не сдвинутся. Тебе и денег-то жалко... Хуже нищего...

– Ну ты, хер старый!..

Шуша схватил старика за ворот двумя руками. Вены выступили на костлявых длинных щупальцах, Александр Иванович судорожно сжал палку, еле касаясь своими ногами земли, и, сглотнув, абсолютно чётко произнёс:

– Деньги!

Шуша плюнул в сторону и отпустил бледного Александра Ивановича. Потом вынул из кармана шорт деньги, снял с головы старика кепку, положил купюры на лысину и, уже скалясь, водрузил головной убор на место.

– Подавись, старый хер!

Шуша исчез так же ловко, как и появился.

Александр Иванович забрал деньги, вытер со лба пот и медленно поплёлся к рынку, где помогал своему давнему знакомому держать мясную лавку.

Рынок находился в самом центре города, подпирая с одной стороны здание автовокзала и смотря через дорогу на мэрию. Жизнь кипела здесь с самого восхода солнца и остывала лишь к его закату. Александр Иванович всё ещё никак не мог привыкнуть к новому статусу этого места: экономические реформы сделали рынок тем, что в послевоенные годы называли «градообразующим предприятием». Иначе говоря, здесь было чуть ли не единственное место в городе, где

можно было добыть деньги. И их добывали в меру своих способностей и талантов: продавали, перепродавали, воровали, обманывали, запугивали или становились милиционерами.

Народу топталось много, кто-то что-то кричал кому-то, парило солнце и всё гудело, как пчелиный улей. Александр Иванович пробирался по знакомому пути, проскальзывая мимо тел и лиц. Несколько дольше обычного он пробирался к привычному месту.

Лавка Митрича находилась на распутье: сразу после торгового места №16 (так называлась его лавка в разных бумагах) рынок развивался по двум направлениям. Налево уходили торговцы одеждой, обувью, стройматериалами, хозтоварами и чем-то ещё в этом духе. Направо шли местные земледельцы и рыболовы. Местные воротилы считали, что здорово наживаются на Митриче, что дали ему довольно неудобное место, ведь все остальные торговцы мясом и молоком располагались ближе ко входу, но толстый румяный Митрич не огорчился. Платил и за аренду, и за «безопасность», и местным милиционерам (тут Александр Иванович не знал за что, но особо и не интересовался). Это давало ему спокойную, обеспеченную жизнь, а о большем он и не думал. Рукастый проворливый Митрич мог справляться и в одиночку, если б был жаден или спесив, но мясник обладал весьма немногими отрицательными качествами, и, как правило, был центром доброй дружной компании. Всё это притягивало к нему честных и почти всегда печальных работяг, тол-

стых домохозяек, худеньких мальчишек, всегда в изобилии наполнявших рынок, и котов всех мастей и окрасов.

Поэтому Александр Иванович не удивился, когда, добравшись до своего рабочего места, обнаружил Митрича, кормящего маленького рыже-белого тощего котёнка.

– Здорово, Митрич! – обратился к нему Александр Иванович и протянул руку. Митрич поднял на него глаза, расплылся в улыбке и пожал протянутую руку:

– Приветствую, Александр Иваныч! Дома не сидится? Торговли-то нет, сам видишь, тут и я-то больше для порядка, чем для дела...

– Да я от Марьи Ивановны. Зашёл водички попить, посидеть...

– Да, это правильно, – почесал затылок Митрич, пока Александр Иванович наливал в жестяную кружку зубодробительно холодную воду из старого крана. – Чтить и помнить непременно надо... Сколько вы вместе-то прожили?

– Мало, Митрич, мало!

Старик улыбнулся и кивнул в сторону прилавка:

– Здравствуйте, Галина Иванна!

С той стороны в улыбке расплылось толстое круглое лицо с ярко накрашенными губами:

– Здравствуйте, Александр Иванович! Здравствуйте, Алексей Дмитриевич! Ко мне завтра зять приезжает! Придётся, как вы понимаете, угождать...

Толстяк Митрич поднялся, приветствовал лучезарной

улыбкой и занялся привычным для себя делом: показывал, взвешивал, обменивался последними новостями, что-то рассказывал. К Митричу вообще приходили не только купить мяса. Важно было и пообщаться. Мясник являлся одним из лучших поваров в городе, умел готовить и экзотические блюда, а главное, умел рассказывать про всё на свете. От всех этих его качеств мясо становилось особенным, хотя и исключать собственно профессиональные его навыки никак нельзя, ими он владел в совершенстве.

Бедный котёнок, тем временем поплутав около ног Митрича и не получая требуемого внимания, практически сразу же пришёл урчать и тереться о ноги Александра Ивановича. И даже когда Митрич вернулся на своё место после непосредственно работы, возвращаться обратно не захотел.

– Ах ты, проказник! – негодовал Митрич. – Стоило мне на минутку отлучиться, как он обо мне забыл тут же и уже обратно, ты смотри, никак не идёт!

Он для верности своих слов отщипнул кусочек куриной кожицы и протянул котёнку:

– На!

Котёнок остановился, потянул носом, но через секунду продолжил тереться и урчать как мотор о ногу Александра Ивановича, чем вызвал приступ смеха у наблюдавших за этой сценой.

– Молодец! – крикнул кто-то из посетителей рынка, – Митрич, ты не тем соблазняешь! Дай мяса!

Митрич развёл в стороны маленькие круглые руки:

– Это ж не тигр, а котёнок!

– А мясо-то чует! – раздался гогот.

Александр Иванович легко поднял его рукой к себе на колени и сделал глоток из жестяной кружки.

– Смотри, прикипишь! – улыбаясь, ткнул пальцем в котёнка Митрич.

– А что плохого? Он меня переживёт!

– Сплюнь, Александр Иваныч! Тебе ещё сотню лет жить!

– Это ты, Митрич, сплюнь! Куда мне столько?

– Ты это брось! Ты так не рассуждай! Это... Ты так не надо...

– Да что ж здесь худого? Своё пожил, сына вырастил, уже у него дочка. Моя Марья Ивановна уже там...

– Брось, говорю! – пробасил Митрич. – Пожил он своё...

Откудаво ты это знаешь? Не тебе решать!

– Так я и не решаю!

– Вот и брось!

– Так я что? Я ничего!

Помолчали, уставившись в пол.

– Как сын-то? – спросил Митрич.

– Сын хорошо! – заулыбался Александр Иванович, и его понесло рассказывать. – Представляешь, прислал мне специальную трубку. Она как телефон, но всего остального не надо. Кнопочки прямо на ней. Нажмёшь что надо, и она звонить будет. Чудо техники! Я кое-как с ней освоился. Ей же

электричество подключать всё время надо, иначе работать не будет. А как-то она брякнула мелко так и всё. Я уж думал крякнулась! Позвонил – работает. Оказывается, на неё ещё и письма приходиться могут и там на маленьком экранчике их читать можно, вон оно как!

– Ну как? Читаешь?

– Да где мне! – махнул рукой Александр Иванович. – Это мне уже не по силам...

– Ещё освоишь! – подбодрил Митрич.

С того момента, как сын прислал Александру Ивановичу мобильник прошло что-то около месяца. Как минимум раз в неделю Митрич слышал эту историю, задавал подобные вопросы и напоследок подбадривал старшего товарища. Забывал старик, что уже рассказывал, или эта история ему безумно нравилась, и поэтому он повторял её так часто, или просто это была последняя история, которую он мог рассказать о сыне за последний десяток лет, Митрич не знал. Он слушал, улыбался, кивал и подбадривал. И готов был снова и снова улыбаться, кивать и подбадривать.

За это время разошлась толпа, стали надвигаться сумерки. Два или три человека ещё пообщались с Митричем, купили что-то незначительное. Остальное – две курицы и три маленьких куска говядины – Митрич уносил с собой в сумке.

– Может, курочку возьмёшь? – предложил он Александру Ивановичу.

– Нет, благодарствую, всё имеется, не на что не жалеюсь!

Они вдвоём вышли из-под крыши рынка и Митрич протянул руку, прощаясь:

– Ты завтра отдыхай, Александр Иваныч, не таскайся понапрасну, а вот послезавтра нам быка обещались привезти. Вот тут ты мне будешь нужен с самого утра! Часам к пяти. Тут мы с тобой возьмёмся за дело!

На свете не было такого быка, с которым бы Митрич не справился бы один. По крайней мере, Александр Иванович такого ещё в своей жизни не видел. Но, как и полагается работнику, он взял под козырёк и улыбнулся:

– Во вторник в пять утра я здесь!

– Ну и ладненько!

Митрич чуть ли уже не повернулся уходить, но вдруг прищурился и, присев, стал указывать пальцем:

– Смотри, Александр Иваныч, а непутёвый этот за тобой как собака бежит!

И в самом деле: котёнок как-то пробрался по рынку и сейчас, странно подпрыгивая на задних ногах, бежал к Александру Ивановичу.

– Ну даёт! – поразился Митрич.

– Да, Непутёвый, – поднял его рукой Александр Иванович. Он посадил его на плечо и, помахав Митричу, поплёлся домой, опираясь на палку.

Глава 2. Девочка.

Фонари на улице выключили в полночь – так сэкономили электричество. Душная майская ночь враз окутала оплетённый деревьями городок. Темнота наполнилась несметным количеством шорохов. Счастливы были те, к кому пришёл сон.

Александр Иванович, к сожалению, не мог себя отнести к таковым. Он вышел из дома по старым, но по-прежнему крепким деревянным ступенькам и упёрся взглядом в звёздное небо. Причмокнув губами, он достал свою палку и с её помощью поковылял на кухню. Кухня представляла собой отдельный дом, гораздо меньше основного четырёхкомнатного красавца, построенного ещё до войны. Вообще, стоит сказать, что когда Александр Иванович говорил «мой дом», то имел в виду не только четыре комнаты с ванной и туалетом, но и два небольших дворика (во внешнем, ближе к улице, росла черёмуха и стоял забор; во внутреннем располагались диван и стол, над которыми вился виноград, на земле ближе к соседям росли розы, а кроме того, из этого дворика можно было попасть на огород и на кухню), собственно кухня с привыкавшем к ней чуланчиком и огород, в котором так и стояли уже никому не нужные кролятник и сеновал. Всё это уже старело вместе с Александром Ивановичем, ветшало и сыпалось. Кое-что удавалось починить, а в совсем редких случаях и заменить, но общей картины это не спасало: дом в понимании Александра Ивановича рушился и исчезал.

На кухне Александр Иванович, не зажигая света, включил

электрический чайник, насыпал в свою чашку чай и шумно набрал в грудь воздуха. Он улыбнулся, потому что даже на кухне чувствовался тот упоительный аромат бархатной южной ночи, что составляет её тайну и очарование. Оставив палку, он дошёл до холодильника, взял ещё неоткрытую пачку масла, нашёл на столе нож и, остановившись, тяжело вздохнул. Почесал затылок и, оставив нож и завернув масло в упаковку, вернул его в холодильник: хлеб, который он купил по пути домой, он оставил в доме, на подоконнике. Идти обратно не хотелось, поэтому Александр Иванович залил кипятком заварку в чашке и, вновь опираясь на палку, добрался до дивана. Здесь он удобно устроился, сетуя про себя на то, что оставил хлеб на подоконнике, а не занёс его на кухню.

Ночь очаровывала.

Александр Иванович пил чай и наслаждался всем вокруг: звёздами, ароматами, звуками. Он знал, как в предзвездный час будет светлеть небо, как закричат петухи и загорланят невидимые голуби. Здесь не было от него секретов, потому что всё было ему известно, привычно и доставляло удовольствие. Особое удовольствие доставляло ему то, что вчера принесли пенсию. Теперь Александр Иванович чувствовал себя довольно обеспеченным человеком и даже размышлял, не нанять ли рабочих, чтобы починили крышу или побелили дом. А может, надо бы поставить новый забор? Повыше и попрочнее?

Сидя в кресле, под которым прятались завёрнутые в старый платок жены деньги (всё точь-в-точь как делала она), Александр Иванович ломал себе голову, как бы поступила она на его месте, но её не было, и старику надо было делать выбор самому.

Допив чай, он отправился на кухню ставить чашку. На обратном пути, остановившись в дверном проходе, Александр Иванович тут же понял: в огороде был человек.

Вряд ли можно объяснить, как он это понял, но человек там точно был. Александр Иванович чувствовал движение в темноте, шуршание растений от соприкосновения с человеком и, наверное, что-то ещё такое необычное, что осталось в нём со времён войны, когда чувствуешь не просто человека, а своего врага. Это было настолько необычно, настолько нарушало весь привычный и предсказуемый ход жизни, что стоило растеряться или задуматься, но Александр Иванович почему-то сразу вспомнил, что за дверью кухни в старый порванный плащ спрятано его охотничье ружьё. Бесшумно он достал старый плащ и высвободил ружьё. Проверил патроны – на месте, стреляй хоть сейчас.

Александр Иванович знал, что в такой темноте в проёме кухни увидеть его будет невозможно. Он может спокойно целиться, сколько его душе угодно. Ещё у него мелькнула мысль, что ружьё, пожалуй, надо забрать в дом. Как говорится, на всякий пожарный.

Итак, Александр Иванович занял позицию и стал вгляды-

ваться в темноту. Сначала он заметил только движение, потом понял: ночной гость собирает огурцы, который он посадил около забора. И вот это вызвало у Александра Ивановича искренне удивление, гораздо большее, чем понимание того, что в его дворе находится посторонний человек.

Кому надо посреди ночи воровать огурцы? Да и много ли своруешь у одинокого старика?

Следующее открытие обескуражило Александра Ивановича настолько, что он стал оглядываться по сторонам: ночным вором, судя по силуэту, была девочка лет двенадцати-тринадцати, никак не больше. Очень худенькая, в платице, с растрёпанными волосами до плеч.

Никаких рациональных объяснений того, что происходило, существовать не могло, и Александр Иванович начал подумывать, не призрак ли это. Но призраки огурцы не воруют... Или экономические реформы нашего правительства дошли и до представителей потустороннего мира?

Призрак девочки, набрав огурцов, полетел дальше. Повертев головой по сторонам и, не замечая притаившегося Александра Ивановича, девочка, порхая маленькими шажочками, пересекла двор и замерла. Она заметила открытую настежь дверь в дом. Как будто опускаясь на цветок, она подошла к самой двери и положила собранные огурцы на землю. Неуверенно постояла и поозиралась по сторонам, всматривалась в дом. Решилась и впорхнула в дверной проём.

Александр Иванович крепче сжал ружьё и ещё раз прове-

рил патроны.

Через минуту воровка вылетела из дома со свёртком в руках. Александр Иванович тут же увидел в нём платок жены, где хранились все деньги.

Он вскинул ружьё.

Девочка явно ничего не замечала. Она подошла к огурцам и стала их собирать. Поняла, что всё не унесёт и даже положила некоторые из уже взятых обратно. Встала во весь рост. Оглянулась. Так и не увидела дула ружья, замершего на ней.

«Стреляй!» – сам себе приказал Александр Иванович.

Девочка повернулась обратно, лицом к калитке. Подошла к ней и стала рассматривать засов и крючок наверху.

Александр Иванович вытер ладонью пот со лба.

Девочка решила почему-то не открывать калитку, а перелезть через неё. Сделать это оказалось довольно непросто, особенно с огурцами и свёртком, поэтому она всё делала чрезвычайно медленно.

Александр Иванович за это время успел опустить ружьё, покачать головой, почмокать губами, взять ружьё, вскинуть на плечо, облизнуть губы и окончательно поставить его к стенке.

Воровка легко спорхнула с забора.

Александр Иванович, весь взмокший и тяжело дышащий, устало следил за её уходом.

Не удивляйтесь его решению: он умел стрелять по диким животным на охоте и врагам на войне. А вот стрелять по де-

вочкам его никто не учил. Он и не умел.

Александр Иванович вышел во двор, без палки прошёл до ступенек и сел на них.

Лоб был ещё мокрым, хотя ночь благоухала свежестью. Старик вытер пот. Посмотрел на свои руки. Сжал их в кулаки, а потом затрясся, как в приступе. Выдохнул со злостью. На четвереньках, как зверь, вполз в комнату и сел возле кресла, которое хранило деньги. Сидел около него, сжавшись, и тяжело дышал. Сидел так довольно долго, о чём-то думал. Ударил кулаком по полу, опёрся на ручку кресла и поднялся в полный рост. Взгляд его упал на подоконник, где стояла бутылка воды. Александр Иванович стал пить большими глотками воду, проливая её на себя, но горло всё равно оставалось пересохшим. Поставив бутылку, он рывком швырнул накидку с кресла и замер.

На подоконнике, куда он только что поставил бутылку с водой, не было хлеба.

А платок жены с деньгами лежал на кресле, где ему и положено было быть.

Глава 3. Как гаснет солнце.

Александр Иванович поставил блюдо на стол, налил молока, поднял котёнка с пола и ткнул его мордочкой в кушанье. Тот сразу же отстранился, завертелся отряхиваясь, а потом медленно, с опаской, обнюхивая, принялся вылизы-

вать лакомство. На старой газовой плите жарилась яичница и закипал чайник. Мерно тикали часы с дрожащими тонкими стрелками, на окне работало радио. Утренние солнечные лучи скудно освещали низенькую обшарпанную кухню, но это не заставляло Александра Ивановича завтракать во дворе. Поставив перед собой тарелку с яичницей, кусок хлеба с куском масла (назвать это бутербродом язык не повернётся) и большую чашку чая, хозяин сделал радио погромче и сел завтракать.

Радио на кухне было уникальным. Оно было куплено ещё при советской власти за внушительную по тем временам сумму в 5 рублей (что было зафиксировано на задней панели), официально называлось «громкоговоритель абонентский» и подключалось к специальной розетке. Ровный чеканный голос диктора, абсолютно не изменившийся за последние двадцать лет, всё также сообщал о катастрофах, преступлениях, войнах и сборах урожая. Последнее Александр Иванович, помнивший цифры советского периода, был склонен относить к катастрофам, прекращал есть, качал головой и тяжело вздыхал.

– Вот так вот, Непутёвый, – прокряхтел Александр Иванович, прослушав блок новостей и убирая со стола тарелки. Облизывающийся Непутёвый прыгнул со стола и поспешил во двор. Александр Иванович взял в углу палку и, опираясь на неё, вышел во двор. Запер дверь кухни и намеренно медленно пошёл под виноградом. Зелёные бусинки свешивались

гроздьями, прикрытые сверху пятернёй листьев. Редкие лучи солнца пробивались сквозь эту зелёную массу. Даже при самом сильном солнцепёке под виноградом была тень. Спасала эта листва и от дождя: не каждый ливень мог пробиться сквозь зелёную шапку во двор дома Александра Ивановича.

Проверив, что дверь дома заперта и закрыв за собой калитку, Александр Иванович оказывался на тихой и безлюдной улице. Стоя лицом к калитке, потирая руки и облизывая губы, старик бубнил себе под нос:

– Так вот... Схожу поработаю с Митричем... Подсоблю хорошему человеку и сам при деле буду... А то что ж сиднем-то сидеть? Дома-то Непутёвый побудет, я его молочком покормил... Славный котёнок! Может, когда и мышей ловить будет... Ну, пойду я...

Опираясь на палку, вдруг довольно громко и чётко произнёс:

– Пусть земля тебе будет пухом, Марья Ивановна!

И Александр Иванович медленно побрёл по ветхому рябому асфальту своей родной Советской улицы. Путь его был довольно долог: пройдя половину Советской, он свернул на улицу Пушкина. Улица Пушкина кардинально отличалась от Советской. На Советской жили старики, строившие свои дома давно. Улица Пушкина же была центральной, вела к железнодорожному вокзалу. Здесь строили новые дома, в два или даже в три этажа, с гаражами, утыканные тарелками, с балконами и причудливыми крышами. Смотрелось эффек-

но, особенно если рядом стоял какой-нибудь низенький старенький домик со смытой дождями побелкой или покосившимся выцветшим забором.

Далее путь Александра Ивановича сворачивал на улицу Лермонтова, представляющую собой нечто среднее между Советской и Пушкина, которая быстро заканчивалась довольно длинной бетонной в два человеческих роста стеной маслозавода. Точнее, бывшего маслозавода, так как в эпоху демократии оказалось, что столько масла людям не требуется и бывшая проходная превратилась в офис какого-то банка, а отдельные цехи работали нерегулярно и производили неизвестно что. Иногда они закрывались, иногда открывались. Иногда люди получали здесь зарплату, иногда не получали. В любом случае деваться им было некуда, и некоторые приходили сюда просто так, посидеть в тени под стеной и покурить.

Далее путь лежал по аллее, в тени разросшихся вековых деревьев, которых не заботило ничто на этой Земле; под ними установили узкие без спинок лавочки, которые ломались по ночам такими хитроумными злодеями, которых не могла поймать милиция, хотя, как считал Александр Иванович и ещё некоторые горожане, милиция не очень-то их и ловила.

Аллея заканчивалась Вечным Огнём. Огромная белая стена, перевязанная посередине георгиевской каменной ленточкой, в основании была украшена звездой, из сердцевины которой с характерным шумом вырывался беспокойный

оранжевый огонь. Это было единственное место в городе, где Александр Иванович явственно чувствовал связь земли и неба.

Александр Иванович остановился напротив огня.

– Низкий поклон вам, ребяташки! Уж простите, что жив остался...

Дальше старик сворачивал в короткий переулок, проходил мимо газетного ларька, где так неудачно несколько дней назад столкнулся с Шушей, и проходил на рынок к торговому месту № 16.

Митрич был уже на месте. В белом длинном фартуке он крутился с ножами возле только что привезённого быка.

– Приветствую, Александр Иваныч! Руку, извини, не пожму... Предлагаю включиться в работу!

Александр Иванович сделал бы это и без команды.

– Как Непутёвый?

– Живёт, слава Богу! Молочко сегодня давал...

– Ну ты его балуешь! Ещё б не прижиться!

На рынок пошли первые покупатели.

Митрич, засопев и вытирая пот со лба, остановил Александра Ивановича и ножом показал на некоторые куски:

– Вот этот Иммануилу Фёдоровичу обещал... Вот тот Василию Иванычу, и ножку не продавай до обеда. Помнишь Костика? Просил оставить, но человек ненадёжный...

– Костик? Что Василия Николаича?

– Ну да.

– Он меня как-то подвозил от Марьи Ивановны.

Митрич нахмурил брови и упёр руки в бока, опираясь на запястья, чтобы не пачкать фартук:

– Подвозил? Он что, машиной обзавёлся?

– Да нет, где ему, – махнул рукой Александр Иванович. –

Он водить автобусы устроился!

– А-а... может он и к Ленке вернулся?

– Тогда сказывал, что нет, а сейчас кто его знает!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.